

Гердт: шутки в ауре горечи

Искусство стародавних актеров, спектакли докиношного, дотелевизионного времени недоступны. Мы зачитали «Недоросля», наизусть помним «Горе от ума», но театр эпохи Фонвизина, эпохи Грибоедова представляем только осколочно, в отзывах, в редких мемуарах. Артисты, сошедшие с тех подмостков, для нас загадка. Их не осветить ни одному юпитеру.

Владимир ПРИХОДЬКО

Нынче по-другому. Да, постепенно уходят театральные и кинознаменитости XX века, точнее, его второй половины. Но остаются от них шлейф кинолент, записи спектаклей, телеверсии вечеров и встреч.

Пять лет назад не стало всенародно любимого Зиновия Ефимовича Гердта (21.9.1916, г. Себеж Псковской обл. - 18.11.1996, дачный поселок близ Красной Пахры Московской обл.; похоронен на Кунцевском кладбище). Как написала поэтесса Сара Погреб, «без нас уплыл к невыразимой цели». Сыграл 72 роли в кино и на TV. Перечисление ролей заняло бы газетную полосу. Они остались в памяти широкого зрителя. Острохарактерный актер. Шутки в ауре горечи, смешение скептической ухмылки и глубокого лиризма. Когда ему говорили: «Вы мой кумир», парировал: «У вас очень хороший вкус. А те, у кого вкус похуже, те просто в восторге!»

Уменьшительное от Зиновия - Зяма. Ключевой момент посмертного пятилетия - выход в нижегородском издательстве «Деком» книги воспоминаний «ЗЯМА - это же Гердт!» (составители Я. Гройсман и Т. Правдина). Среди авторов Г. Горин, Б. Окуджава, Л. Гурченко, Л. Либединская, Э. Рязанов, П. Тодоровский, М. Ульянов, К. Райкин. Связала воспоминания, можно сказать, сцементировала, Татьяна Правдина, вдова Гердта: нашла практически о каждом мемуаристе разнообразные и теплые слова, выявила свое недожженное литературное дарование. По сути, это ее авторская книга. Образ Гердта высветчен с разных сторон и в разные периоды жизни.

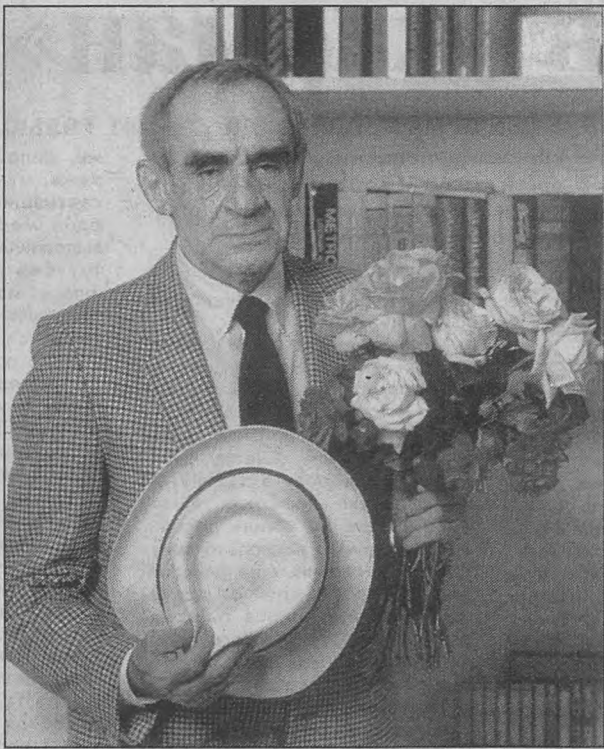
Все мы, я в том числе, думали, что Гердт одессит. И как может не быть одесситом заносчивый и несчащенный Паниковский? Ныне его Паниковский («Золотой теленок» Мих. Швейцера, 1968) стоит в центре Киева: своеобразный памятник отчасти Ильфу и Петрову, отчасти украинскому ашкенази, отчасти Гердту. Себежане поспешат с одесситами, кто Гердту земляк, а кто нет, но, думаю, кончится миром. После съемок в Одессе Гердт выразился так: «Несмотря на южный темперамент, одесситы корректны, вежливы: «Здравствуйте! Как себя чувствуете?» Будто все живем в одном маленьком поселочке. Там, в Одессе, есть лишь одно неудобство: таксисты не берут с меня денег. Но я смирился...»

Первое московское воспоминание Гердта - нэп. Его отец, Ефим Храпинович (Гердт - фамилия матери) приехал в столицу как оптовик. За товаром для себешских лавочников. Взял сынка. На Сухаревском рынке разрезали пиджак и украли деньги. Долг выплачивал всю оставшуюся жизнь.

В отрочестве отца у Гердта уже не было, а сам он был притянут Москвой. Барак в сельхозакадемии, потом в Астрадамском проезде. Учился в ФЗУ Электрокомбината. На слесаря-электромонтера. Стал участником драмкружка; затем Театра рабочей

молодежи (ТРАМ) при клубе Мосэнерго на Раушской набережной. Студийцы прилаживались к молодым стихотворцам; Гердта отличала особенная чуткость к поэзии. Сохранилась фотка: «Женитьба Фигаро» в постановке В. Плучека, 1939. Бартоло - Гердт.

Он принадлежал к выбитому войной поколению. И сам уцелел чудом. Чудо олицетворила и осуществила девушка-санитарка, которая вынесла его, раненного в ногу, с поля боя. Гердт рассказывал: «Студийцы были освобождены от службы в армии. Пото-

му что нас сразу сделали фронтовым театром. Обслуживать войска и госпитали. Но десять человек, одна девушка и девять мальчиков, будем говорить - мужчин, отодвинули привилегию и пошли солдатами на фронт добровольно. Я помню, мы пришли в райком комсомола, почему-то на Мясницкой, будучи уверенны, что мы все попадем в какую-нибудь одну часть. Ничего подобного. /.../ Меня определили в саперы, поскольку у меня как бы техническое образование. Сначала в Болшево, в военно-инженерное училище. Через несколько месяцев я был выпущен младшим лейтенантом, и направили меня под Воронеж. На Дон, между Старым и Новым Осколом. И я приехал и увидел первых убитых. Это было так страшно...»

Он воевал с января 42-го по февраль 43-го. В солнечный день 13 февраля упал в искрящийся снег. Рядом с комиссаром полка. «И как нас ранило, видела с опушки Верочка Веденина, наша санитарка. Она меня и тащила на своих женских плечах». Под обстрелом, 400 метров до леса.

В минуту ранения он представил себе: на Страстной площади входит в трамвай на костылях с передней площадки. «Пустоватый дневной трамвай, и две старушки смотрят на меня и говорят: «Какой молодой!» И мне было жалко себя, и гордость была, что я вхожу с передней площадки».

Одиннадцать тяжелых операций. И хромота, как у певца Доливо, на концертах которого он в 30-е кричал бисиря: «Требуем полного Долива!»

Одесский акцент неистребим. Может, благодаря тому, что Гердт все-таки не был одесситом, он владел необычайно чистой речью. Взял актером в театр Обрзцова. Так как куклольники за ширмой, хромота преодолевалась сама собой. Но до съемок

в кино было неблизко. Цитирую Г. Горина: «Эту трудность проходило много людей, которые не соответствовали стандартам советской красоты. Возьмите хоть Инну Чурикову, которая, по мнению чиновников, не могла представлять советскую женщину на экране. Ну, а Гердт не мог представлять советского мужчину ни по каким параметрам, и дело даже не в еврейской национальности. Гафт ведь легко вошел в советский кинематограф. Но Гафт был красивый и статный, что никак не противоречило образу советского мужчины, а Зяма - маленький, хромой, обладавший абсолютно антиактерской по тем временам внешностью».

Гердт сначала проник не на экран, а за экран: его пригласили на дубляж «Фанфана-Тюльпана»: закадровый голос историка. Историк-невидимка имел успех. Л. Гурченко, в то время студентка ВГИКа, где ее, как она говорит, уничтожали за несусветный харьковский диалект, мечтала познакомиться с обладателем **золотого голоса**, чтоб «поучиться настоящему русскому языку». Вскоре выяснилось: Гердт учит также юмору, оптимизму. Мятёжному духу.

Еврейский мотив, естественно, возникал не раз. Стоит вдуматься в фарсовый постсоветский эпизод, рассказанный Г. Гориним: «Однажды был какой-то митинг, и мы, выходя из Дома кино, продираясь через толпу, услышали оклик женщины, адресованный Гердту: «Туда не ходите! Там жиды!...» Гердт воскликнул: «Я тоже жид!» /.../ - «Вас-то я не имела в виду!...» - «Да нет, вы именно меня и имели в виду...» - ответил Гердт».

Он дружил с Твардовским. Так вышло, что оказался его соседом по даче. И выступал на юбилее, когда предложили: «Пусть Зиновий Ефимович скажет слово». И восхищался поэзией и личностью.

Со стихами Александра Кочеткова «С любимыми не расставайтесь», лейтмотивом «Иронии судьбы», Э. Рязанова познакомил Гердт.

Читаешь книгу «Декома», и кажется, что Гердт - рядом. Обязательный жизнелюб, выпивоха, ухажер. Абсолютный плотник, по выражению А. Ширвиндта. То и другое мастерил своими руками. Шоферил. Верный дружбе, цеховому братству. Задиристый, жесткий. Доброжелательный, мягкий.

Легендарные шутки, которые не вянут, как розы. Э. Успенскому Гердт сказал: «Вас планировали на 127 вольт, а включили на 220» (недаром же был электромонтером). И еще: «Смелый человек - вести передачу про песни при по-о-о-омном отсутствии слуха!»

Среди шуток вокруг Гердта - самая острая вроде бы эта. Из мемуара Р. Ляпидевского. Однажды в Ярославле, на улице перед гостиницей, тихонько подкравшись сзади, Гердт схватил за ягодицы (была у него такая слабость) поленьевую женщину. Думал: добрая знакомая, администраторша родимого кукольного театра, приехавшая на гастроли днями раньше. Женщина обернулась: то была незнакомка. Гердт умолял о прощении. Незнакомка ослабилась: «Ну, что такого? Я понимаю: просто ошиблись жопой!» Когда же поленьевая администраторша все доложила, она сказала Гердту: «Как ты мог перепутать?!»

Гердт любил Москву и тосковал, уезжая. Он был москвичом. С этим никто не станет спорить.